

СВЯТИТЕЛЬ ІОАСАФЪ ГОРЛЕНКО.

(род. 8 Сент. 1705 † 10 Дек. 1754).

I.

Святитель Іоасафъ (въ мірѣ Іоакимъ Андреевичъ) родился 8-го Сентября 1705 года въ городѣ Прилукахъ (нынѣшней Полтавской губ.) и по происхожденію своему принадлежалъ къ южно-русской аристократіи, давшей немало выдающихся дѣятелей на церковно-общественномъ поприщѣ. Онъ былъ сыномъ родовитаго казацкаго полковника А. Д. Горленко, а по матери—внукомъ Малороссійскаго гетмана Д. П. Апостола. Семейныя традиции и связи, казалось, намѣчали Іоакиму прямой путь къ военной карьерѣ, но онъ избралъ иное. Съ ранняго дѣтства, подъ вліяніемъ благочестивыхъ родителей, укоренилась въ его душѣ склонность къ религіозному подвижничеству, еще болѣе окрѣпшая во время обученія въ Кіево-братской монастырской школѣ (академіи), куда онъ былъ опредѣленъ по достиженію восьмилѣтняго возраста, и на шестнадцатомъ году жизни Іоакимъ „возымѣлъ желаніе быть монахомъ“. Два года не рѣшался онъ открыть этого намѣренія родителямъ и, не получивъ ихъ согласія, тайно поступилъ сперва на испытаніе въ Кіевскій Межигорскій монастырь, а потомъ, на 22-мъ году жизни (21 Ноября 1727 г.), принялъ иноческое постриженіе въ Кіево-братскомъ монастырѣ съ именемъ Іоасафа. Вскорѣ послѣ того онъ былъ назначенъ преподавателемъ младшихъ классовъ Кіевской академіи и на ряду съ этимъ проходилъ, въ санѣ іеродіакона и іеромонаха, разныя церковныя должности въ Кіевской митрополіи до 24 Іюня 1737 г., когда былъ опредѣленъ игуменомъ Лубенскаго Мгарскаго Преображенскаго монастыря.

Къ этому Кіевскому періоду жизни Іоасафа относится его литературный трудъ, посвященный митрополиту Рафаилу и озаглавленный: „Брань честныхъ седми добродѣтелей съ седми грѣхами смертными“. Названное произведеніе принадлежитъ къ разряду тѣхъ драматизированныхъ праздничныхъ виршей, которыхъ особенно много стало появляться въ Малороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка. Авторъ аллегорически изображаетъ битву грѣховъ съ добродѣтелями, заимствуя образцы изъ близко знакомой ему по родственнымъ связямъ

военной среды, и въ заключеніе убѣждаетъ читателя, примѣняя къ себѣ описанную „брань“, побѣждать каждый грѣхъ соотвѣтствующею добродѣтелью:

„Побѣдивый же будещи вѣнчаннй
И на вечеру еще будещъ званнй
Брачную, въ чертогъ. Ей, правду вѣщаю,
Зъ сердца желаю“.

Въ должности игумена Юасафу пришлось немало потрудиться на пользу ввѣренной ему обители. Онъ привелъ въ порядокъ сильно запущенное хозяйство, изыскалъ средства на возстановленіе соборнаго храма, заботился о поддержаніи монастырской дисциплины. Въ 1742 г. для сбора пожертвованій ему пришлось быть въ Петербургъ, гдѣ своею рѣчью въ придворной церкви онъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на императрицу Елисавету Петровну¹⁾. По ея именному приказу онъ былъ возведенъ въ 1744 г. въ санъ архимандрита и назначенъ намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры²⁾. Внѣшняя административная дѣятельность его здѣсь выразилась главнымъ образомъ въ трудахъ по возобновленію обители послѣ большого пожара 17 Мая 1746 г. Въ частности, по его иниціативѣ вызванъ былъ изъ Кіевского Межигорскаго монастыря для возобновленія сильно пострадавшей отъ пожара церковной живописи іеромонахъ Павелъ Казановичъ, подъ руководствомъ котораго быстро возродилась и прочно стала лаврская иконописная школа, находившаяся въ состояніи крайняго упадка. Управление внутренней жизнью знаменитой обители и ея громаднмъ хозяйствомъ создавало также немало тяжкихъ заботъ для такого благочестиваго подвижника, какимъ былъ св. Юасафъ. Впрочемъ, намѣстникомъ лавры онъ оставался недолго: 21-го Іюня 1748 года состоялось назначеніе его во епископа Бѣлгородской епархіи, которою управлялъ онъ около шести съ половиною лѣтъ, до самой своей кончины (10 Декабря 1754 г.).

На новомъ поприщѣ церковнаго служенія преосвященный Юасафъ заявилъ себя ревностнымъ и энергичнымъ архипастыремъ. По словамъ его біографа, „ни одинъ изъ Бѣлгородскихъ іерарховъ не обозрѣвалъ такъ часто и такъ внимательно своей епархіи, какъ онъ, обращая при этомъ строгое вниманіе, какъ на храмы и общественное богослуженіе, такъ и на нравственное состояніе духовенства и мірянъ“ (проф. А. Лебедевъ, „Бѣлгородскіе архіереи“, стр. 82). Сохранились многочисленные слѣды его замѣчательной церковно-административной дѣя-

¹⁾ Еще до брака ея съ пѣвчимъ изъ Прилукъ, Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. П. Б.

²⁾ Т. е. Сергіевой пустыни подъ Петербургомъ? Въ перечнѣ архимандритовъ Сергіево-Троицкой Лавры (Строева) Юасафъ не значится. П. Б.

тельности въ видѣ различныхъ посланій къ духовенству и паствѣ, распоряженій и писемъ. Въ особенности много заботился онъ о понятіи умственного и нравственного уровня духовенства и въ частности— о благосостояніи Харьковскаго коллегіума, главнаго просвѣтительнаго центра Слободской Украйны, предназначеннаго, между прочимъ, и для подготовки образованныхъ пастырей. Ревностный блюститель церковнаго благочинія, въ своихъ наставленіяхъ духовенству онъ выступаетъ охранителемъ истовой церковности и врагомъ пустосвятства, рѣзко обличая „непотребные поповскіе вымыслы: лишніе, гдѣ не надлежитъ, поклоны, рукъ воздѣяніе, кажденіе, предъ Великимъ выходомъ креста цѣлованіе и прочая лишніа благочинія, чтò паче безчинія есть и внимающихъ не къ сокрушенію, а къ смѣху возбуждаетъ“. Въ религіозно-нравственномъ состояніи паствы предметомъ архипастырскихъ заботъ являлось распространеніе чрезъ посредство духовенства въ народѣ правильныхъ понятій о предметахъ вѣры, борьба съ многочисленными народными суевѣріями и бытовыми навыками, носившими на себѣ отпечатокъ язычества, съ уклоненіемъ въ иновѣріе, сектантство и расколъ, съ грубостью нравовъ и пренебреженіемъ христіанскими обязанностями. При этомъ ревностный архипастырь дѣйствуя въ духѣ своего времени, не останавливался и передъ примѣненіемъ къ виновнымъ (мірянамъ и духовенству) весьма суровыхъ карательныхъ мѣръ, до „тягчайшихъ монастырскихъ трудовъ“ и „жестокаго плетми наказанія“ включительно.

При всей строгости своихъ административныхъ мѣропріятій, въ личныхъ отношеніяхъ къ людямъ св. Іоасафъ проявлялъ черты истинно христіанскаго милосердія и сострадательности къ несчастнымъ, страждущимъ и нуждающимся. Онъ былъ не только усерднымъ молитвенникомъ и подвижникомъ, но и великимъ нестяжателемъ-нищелюбцемъ. Мало заботясь о своихъ удобствахъ, онъ большую часть доходовъ съ вотчинъ Бѣлгородскаго архіерейскаго дома употреблялъ на подаяніе и помощь неимущимъ, стараясь при этомъ дѣлать добро такъ, „чтобы лѣвая рука не знала, чтò творитъ правая“. Передъ праздниками онъ имѣлъ обыкновеніе посылать своего переодѣтаго келейника, а иногда и самъ лично подъ покровомъ ночи отправлялся къ жилищамъ бѣдняковъ, чтобы оставить тайную милостыню. И подавалась она такъ обильно, что послѣ кончины святителя осталось всего имущества: 14 книгъ, нѣсколько малоцѣнныхъ вещей, да 7 рублей деньгами, которыя были употреблены на устроеніе гроба и на поминальную раздачу нищимъ.

Строгое подвижничество и нищелюбіе еще при жизни пр. Іоасафа снискали ему благоговѣйное уваженіе паствы, еще болѣе усилившееся послѣ того, какъ тѣло святителя, пробывъ по случайному стеченію

обстоятельствъ, непогребеннымъ два съ половиною мѣсяца, не подверглось тлѣнію, а у его гроба, по свидѣтельству молвы народной, совершилось нѣсколько чудесъ. Черезъ два года послѣ кончины смертные останки почившаго іерарха, при тайномъ осмотрѣ ихъ въ усыпальницѣ клириками кафедральнаго собора, вновь были найдены нетлѣнными, и съ этого времени началось мѣстное почитаніе св. Іоасафа, не встрѣтившее, впрочемъ, на первыхъ порахъ сочувствія въ мѣстныхъ духовныхъ властяхъ. Въ 1791 году Бѣлгородская консисторія, по предложенію епископа Теоکتиста, для пресѣченія доступа „любопытствующихъ“, приказала входныя двери къ усыпальницѣ святителя „замкнуть навсегда замкомъ и запечатать печатью“. Однако, это запрещеніе оставалось въ силѣ недолго. Вскорѣ тотъ же епископъ Теоکتистъ не только отмѣнилъ прежнее распоряженіе, но и возбудилъ (въ 1815 г.), по просьбѣ Бѣлгородскихъ гражданъ, официальное ходатайство о церковномъ прославленіи св. Іоасафа. Но на этотъ разъ попытка канонизаціи не только не увѣнчалась успѣхомъ, а, наоборотъ, повела къ ограниченію мѣстнаго почитанія останковъ святителя. Мощи его были закрыты, одѣты въ глухой саванъ и запечатаны, хотя паломничество къ нимъ не прекратилось. Не болѣе удачною оказалась и другая попытка, предпринятая въ 1874 г. архіепископомъ Варлаамомъ. Только въ недавнее время, послѣ того, какъ собраны были и изданы въ нѣсколькихъ томахъ обширныя матеріалы о жизни и посмертныхъ чудотвореніяхъ святителя Іоасафа, дѣло приняло болѣе благопріятный оборотъ. Въ Декабрѣ 1908 года, въ отвѣтъ на многочисленныя ходатайства духовенства и мірянъ, Св. Синодъ поручилъ епископу Курскому Питириму черезъ особую комиссію произвести разслѣдованіе о мощахъ и чудесахъ архипастыря Бѣлгородскаго. Результаты этого разслѣдованія, представленные Синоду, были признаны благопріятными, и на основаніи ихъ состоялось опредѣленіе о причисленіи „во блаженной памяти почившаго Іоасафа, епископа Бѣлоградскаго“, къ чину святыхъ, благодатію Божіей прославленныхъ, и о торжественномъ открытіи его мощей, которое поручено совершить 4-го Сентября 1911 года митрополиту Кіевскому вмѣстѣ съ преосвященнымъ Курскимъ и его викаріями.

Осуществленіемъ такого постановленія и является нынѣшнее Бѣлградское торжество въ честь святителя Іоасафа, „благодатнымъ предстательствомъ“ котораго „да укрѣплятся въ державѣ Россійской преданность отеческому православію, ко благу всего народа Русскаго“ (слова, собственноручно начертанныя Государемъ Императоромъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ Синода по дѣлу о прославленіи св. Іоасафа).

И. Г.

Изъ „Голоса Москвы“ (4 Сентября 1911 года).

II.

Конецъ семнадцатаго и первая половина восемнадцатаго вѣка въ исторіи Русской церкви ознаменованы появленіемъ въ рядахъ Русской іерархіи, и именно на главнѣйшихъ Великоросскихъ кафедрахъ, южанъ, воспитанниковъ Кіевской академіи, находившейся, благодаря заботамъ о ней незабвеннаго Петра Могилы, въ зенитѣ своей славы.

Знаменитый Теофанъ Прокоповичъ, мѣстоблюститель патриаршаго престола, Стефанъ Яворскій, блестящій проповѣдникъ, неутомимый писатель, святитель Ростовскій Димитрій Туптало, выдающійся ученый Симонъ Годорскій, архіепископъ Псковскій и духовникъ Екатерины, обучавшій ее Закону Божію: всѣ они были птенцами Могилянской академіи и въ большинствѣ происходили изъ Малорусской шляхты.

Много свѣжаго и свѣтлаго внесли въ Русскую духовную науку эти люди. Самое происхожденіе ихъ, съ дѣтства внушавшее имъ рыцарскія понятія, придавало имъ особую независимость.

Дѣятельность епископа Іоасафа счастливо совпала съ царствованіемъ набожной „дщери Петровой“. И вообще любившая лицъ духовной жизни, царица знала лично Іоасафа чрезъ Разумовскихъ, которые такъ покровительствовали Малороссамъ. Въ ея царствованіе начался и завершился самостоятельный періодъ дѣятельности святителя.

Замѣчательна и разнообразна судьба его ближайшихъ предковъ. Прадѣдъ его Лазарь рубится съ Поляками среди сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго, ѣдетъ посломъ гетмана Брюховецкаго къ Алексѣю Михайловичу и во время несчастнаго похода Москвы въ Крымъ погибаетъ трагически: взбунтовавшіеся противъ него казаки сожгли Лазаря живымъ. Останки его были сперва положены въ степи, и надъ ними насыпанъ высокій курганъ, а затѣмъ перевезены въ родовую усыпальницу, въ Густынскій монастырь, гдѣ Горленки построили богатый соборъ. Сынъ его Димитрій былъ сторонникомъ Мазепы и долго жилъ въ изгнаніи. Только отцу святителя Андрею удалось возстановить полностью владѣніе всѣми родовыми землями, конфискованными у отца.

Выйдя изъ рядовъ знатнаго казачества, Горленки поддерживали свое видное положеніе соответствующими браками. Мать святителя Іоасафа была дочерью Малороссійскаго гетмана Данила Апостола. Сестры его за представителями видныхъ Малороссійскихъ родовъ: Квитко, Стороженко и Маркевичъ.

Та—можно выразиться—нѣжность, съ которою Малороссія относилась и относится къ памяти святителя Іоасафа, объясняется, между прочимъ и тѣмъ, что для нея онъ—свой. Когда онъ бывалъ въ городѣ

Харьковѣ, принадлежавшемъ къ его епархіи, и гостилъ тамъ у своей любимой сестры Квитки, дворянство встрѣчало и провожало его, какъ своего, съ почестями—„громадою“, верхами на коняхъ.

Родствомъ со святителемъ Іоасафомъ считаются, кромѣ уже упомянутыхъ фамилій, еще Милорадовичи, графы Девьеры, Галаганы, Мандрыки, князя Жеваховы и Баратовы, Булацели, графы Гудовичи, Лизогубы, не считая многочисленныхъ развѣтвленій по женскимъ линіямъ этихъ семей.

Дѣтство въ уютѣ богатой усадьбы. Съ девяти лѣтъ ученіе въ Кіевѣ, куда Малорусская знать отправляла своихъ сыновей для образованія при Кіево-Братскомъ монастырѣ съ его просвѣтительными учрежденіями. Съ одиннадцати лѣтъ мечты о монашествѣ. Въ двадцать—тайный постригъ въ пещерѣ Межигорскаго монастыря, у Днѣпра. Это опять-таки былъ казачій монастырь: сюда Запорожская Сѣчь слала вклады изъ военной добычи на поминъ своихъ буйныхъ головъ; здѣсь же иногда, уставъ душою отъ „бранной“ жизни, схимились казаки...

Замѣчательно, что высшій аскетизмъ и отвлеченность отъ міра въ св. Іоасафѣ уживались съ чрезвычайною практичностью и хозяйственностью. Онъ сумѣлъ возобновить двѣ послѣдовательно порученныя ему управленію обители: совершенно разрушавшуюся Любенскую Мгарскую, а затѣмъ опустошенную пожаромъ Троице-Сергіеву лавру.

Сорока трехъ лѣтъ отъ роду онъ получилъ Бѣлгородскую кафедру. Рукоположеніе во епископа происходило въ Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ, въ присутствіи Императрицы и двора.

Обширность епархіи, невѣжество грубаго, корыстолюбиваго и сварливаго духовенства требовали усиленной дѣятельности, въ которой святитель выказалъ столько же практичности, сколько настойчивости. Требовательный къ духовенству до суровости, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, ревниво охранялъ права и достоинства своего духовенства отъ посягновенія мірянъ.

Онъ рѣзко подчеркивалъ свой взглядъ на равенство предъ Богомъ всѣхъ людей и требовалъ исполненія религіознаго долга одинаково отъ праздношатающихся Цыганъ, которыхъ было тамъ много, и отъ титулованнаго сановника, разъ они жили въ его епархіи. Но не высокія черты епархіальнаго управленія привязали къ нему народное сердце, а его неистощимое, изобрѣтательное, стыдливое милосердіе.

Разсказываютъ о немъ, что, когда онъ мальчикомъ пріѣзжалъ домой на побывку, и родители его давали роскошные пиры, онъ, невидный, гдѣ-нибудь въ углу, ѣлъ корку чернаго хлѣба.

Этотъ святой стыдъ за свою обеспеченность, жажда убожества и состраданія къ тѣмъ, кому трудно, остались у него до конца. Какъ и

сколько онъ раздавалъ, видно изъ того, что, будучи старшимъ сыномъ очень богатой семьи, сыномъ любимымъ, и, весьма вѣроятно, получая отъ родителей матеріальную поддержку, занимая къ тому же очень богатую кафедру, онъ оставилъ по себѣ 70 или 80 коп. мѣдью.

Любимымъ дѣломъ святителя Іоасафа была милостыня тайная. Онъ позднимъ вечеромъ обходилъ извѣстныя ему бѣдныя хаты и клалъ снаружи на видное мѣсто пакетъ съ деньгами или узелъ съ бѣльемъ, привлекая вниманіе хозяевъ стукомъ въ дверь—и незамѣтно скрывался. Онъ посылалъ также, скрывая свое имя, зимою дрова бѣднымъ людямъ, а одинокимъ и больнымъ иногда самъ рубилъ вдобавокъ по ночамъ эти дрова и таскалъ ихъ къ крыльцу.

Въ его архіерейскомъ селѣ Грайворонѣ шла постоянно заготовка теплыхъ кожаныхъ и свитъ для раздачи зимою нуждающимся.

И вотъ такія простыя, понятныя дѣла любви запомнились...

Святитель Іоасафъ за полгода до кончины выѣхалъ изъ Бѣлгорода, предсказавъ, что больше не вернется. Онъ посѣтилъ своихъ родителей. Старый отецъ его въ это время жилъ отшельникомъ въ принадлежавшемъ ему лѣсу, лишь изрѣдка пріѣзжая въ Прилуку на свиданіе съ семьей. На возвратномъ пути въ Бѣлгородъ святитель заболѣлъ въ селѣ Грайворонѣ и послѣ двухмѣсячныхъ страданій скончался 10 Декабря 1754 года.

Почитаніе святителя Іоасафа въ Украинѣ началось почти непосредственно послѣ его смерти.

Въ матеріалахъ для біографіи святителя, собранныхъ княземъ Н. Д. Жеваховымъ, приведены описанія нѣсколько сотъ чудесныхъ исцѣленій по благодатной силѣ святителя.

Уже давно и неоднократно жители Бѣлгорода ходатайствовали о церковной канонизаціи святителя Іоасафа.

Е. П нъ.

(Изъ „Новаго Времени“ отъ 4 Сентября 1911 г.).

Значеніе святыхъ мощей художественно выражено Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ въ его Словѣ на день св. митрополита Алексія (1845): „Угодникъ Божій не перестаетъ дѣйствовать для насъ передъ Богомъ своими молитвами, а передъ нами благодатнымъ дарованіемъ, по которому въ самомъ тѣлѣ его, какъ въ чистомъ сосудѣ духа, вмѣсто обыкновенныхъ человѣческихъ немощей, имѣемъ мы открытыя святаго мощи—возвышенныя силы, подобно вещественному благоуханію простирающія сокровенное дѣйствіе на чувство вѣры, возвышающія наши собственныя силы и производящія благотворныя перемѣны“.

